

В его доме шаром покати. Если Таотэ и мог чем-то укрепить силы незваного гостя, то лишь несколькими кусками вяленого мяса, припрятанными в погребе.

Он получил их совсем недавно, после стычки между племенами, как долю от корпуса самообороны. Берёг, не ел — присыпал солью да убрал в прохладу до худших времён.

В те дни на них внезапно напало племя Ая, с которым они давно враждовали. Племени Насы тогда знатно досталось. К счастью, новый вождь, Сына, вместе с воинами корпуса самообороны отбил от налётов, и они не лишились крыши над головой. После той бойни Сына где-то раздобыл провизию и раздал соплеменникам. Перепало и Таотэ.

В эту пору свежее мясо ценилось на вес золота, так что сам он к нему даже не прикасался. Что ж, теперь это лакомство достанется прожорливому малышу.

Таотэ спустился в погреб, отрезал от припрятанного окорока небольшой кусок — в меру жирный, сочный — и залил его свежей водой.

Затем он старательно промыл в горячей воде замоченный заранее батат, сушёную горчицу и само мясо.

Окончив приготовления, Таотэ раздул угли под очагом и бросил в закипающую воду несколько имбирных ломтиков.

Как только пошёл пар, он опустил мясо в котёл, чтобы убрать лишнюю кровь и пену. Параллельно принялся толочь специи: мелко нарезал лук, чеснок, насыпал крупной соли и растер горсть душистого перца хуацзё. Зная, какой крошечный его едок, Таотэ намеренно сделал заправку мягкой, не острой.

Вода бурлила. Таотэ шумовкой снял серую пену и оставил мясо томиться ещё минут на десять. Когда кусок дошёл до нужной кондиции, он выудил его, обдал ледяной водой и выложил в бамбуковое сито, чтобы стекла лишняя влага.

Как только мясо обсохло, Таотэ взял острую вилку, истыкал шкурку мелкими дырочками и целиком погрузил кусок в приготовленный маринад.

Пока свинина пропитывалась пряными соками, он взялся за батат: очистил кожуру и нарезал клубни крупными дольками. Сложив их в глиняную плошку, присыпал солью и оставил на пару минут. Так из батата уйдёт лишняя влага, и в готовом блюде он станет нежным, сохранив приятную природную сладость.

Само мясо тоже следовало нарезать, но гораздо тоньше и изящнее — так оно лучше пропитается ароматами и не покажется слишком жирным. Таотэ задумал приготовить классическую свинину с бататом и сушёной горчицей — сытное, духовитое блюдо, где сладость

корнеплода идеально подчеркивает сочность мяса. Готовить он умел отменно: долгие годы одинокой жизни превратили стряпню в привычный и даже приятный ритуал.

Вскоре все заготовки были разложены по местам. Раскалив сковороду, Таотэ быстро обжарил маринованные ломтики в масле до золотистой корочки, а следом отправил туда же и дольки батата, пока те не подрумянились.

Теперь оставалось лишь собрать блюдо. Он уложил обжаренную свинину и батат в глубокую миску, чередуя их друг с другом шкуркой вниз, чтобы мясо лучше протушилось. На дно тарелки ровным слоем легла сушёная горчица — она впитает лишний жир, сделав свинину лёгкой и нежной.

Сверху он прикрыл всё тонкими имбирными ломтиками, чтобы убрать тяжёлый мясной дух. Снарядив паровую баню, Таотэ налил в большой котёл воды, водрузил бамбуковую решётку, поставил на неё миску со свининой и накрыл крышкой, оставив томиться на среднем огне.

Пока обед исходил паром, Таотэ решил заглянуть в комнату к Якобу — мало ли, вдруг этот крылатый проказник опять найдет приключения на свою крошечную голову.

Переступив порог, он замер в недоумении: в комнате царила тишина. Испугавшись, что с малышом стряслась беда, Таотэ бросился к кровати. Подушка пустовала.

Но Якоб не исчез. Он лежал посреди одеяла на спине, обхватив крошечными ручонками собственные ступни, и увлечённо катался из стороны в сторону, словно жук.

— Ты чем это тут занимаешься? Ха-ха-ха!.. — Таотэ не выдержал и покатился со смеху.

Хоть гость и был ростом с палец, сложен он был как зрелый, крепкий воин. Мускулистый оборотень, катающийся по одеялу голышом и хватающий себя за пятки... Зрелище было настолько нелепым, что Таотэ согнулся пополам.

Его громовой хохот мгновенно нарушил тишину. Катающийся Якоб замер, растерянно уставившись в потолок из массивного камня, а затем резко повернул голову к двери.

Обнаружив свидетеля своего позора, он тут же выпустил ноги из рук, торопливо сел и сердито прикрикнул:

— Не смейся! Кому говорю, не смейся!

Видя, что Таотэ и не думает останавливаться, утирая выступившие от смеха слёзы, малютка вскочил на ноги, подбежал к самому краю постели и сердито закричал снизу вверх:

— Перестань немедленно!

— Да что ты делал-то? Учился кувыркаться? — Таотэ едва мог дышать от смеха, а Якоб от смущения покраснел до самых кончиков ушей.

Было очевидно, что этот кроха чертовски дорожит своим достоинством. В пылу негодования он даже не заметил, что стоит перед хозяином дома абсолютно голым.

— Вовсе нет! — Якоб отчаянно замахал руками, пытаясь оправдаться. — Я тренировался... то есть, просто упал!

Его тонкий детский голосок звучал настолько неубедительно, что оправдание вышло курам на смех.

Кажется, малютка и сам это понял. Обиженно надув щёки, он отвернулся, пряча лицо, и сердито повел плечами. И в то же мгновение на его спине, прямо в районе лопаток, сквозь старые шрамы пробилось нечто белоснежное!

Смех Таотэ оборвался на полуслове. У Якоба за спиной расправлялись настоящие крылья.

Точно такие, какими в преданиях его прежнего мира наделяли небесных вестников.

Огромные по сравнению с его крошечным тельцем, они распахнулись в обе стороны, мерцая мягким, почти осязаемым белым светом. Чистейшие перья казались невероятно мягкими, придавая малютке величественный и благородный вид.

— Боги... — прошептал поражённый Таотэ.

Подавшись вперёд, он осторожно подхватил человечка двумя пальцами за кончики крыльев и поднял перед собой, внимательно разглядывая со всех сторон.

Семисантиметровый кроха с ангельскими крыльями...

В голове Таотэ невольно вспыхнуло слово «эльф». Но он тут же тряхнул головой, отгоняя эту мысль — в его мире сказкам места не было.

И все же, глядя на это удивительное существо, он не мог не спросить себя: кто же он такой на самом деле?

— Пусти меня! — пискнул Якоб.

В следующий миг Таотэ охнул от резкой боли. Ему пришлось приложить усилие, чтобы не разжать пальцы и не выронить кроху.

Малыш мёртвой хваткой вцепился в его палец и рванул с такой силой, что чуть не вывихнул сустав. Таотэ ошарашенно уставился на него, мгновенно позабыв о боли: как в таком крошечном теле может таиться подобная мощь? Это выходило за рамки здравого смысла.

Усмирив рой мыслей, Таотэ строго посмотрел на пленника:

— Кто ты такой?

Якоб вздрогнул. Он задрал голову, глядя на возвышающегося над ним гиганта, затравленно огляделся по сторонам и упрямо смолк.

— Ты ведь выходил наружу, верно? — спросил Таотэ.

Его уже давно мучил вопрос, как этот семисантиметровый задохлик умудрился выбраться из глубокой кадки с песком и угодить в ведро с водой. Борта кадки были не меньше десяти сантиметров в высоту — без посторонней помощи преодолеть такое препятствие для бескрылого малютки было невыполнимой задачей.

Якоб перестал брыкаться, и Таотэ аккуратно опустил его обратно на одеяло.

Малыш не убежал. Он подошёл к краю кровати, стараясь держаться так, чтобы их взгляды пересекались. Настолько близко друг к другу они ещё не оказывались, и этот разговор обещал стать самым серьёзным с момента их встречи.

— Прости, я солгал тебе, — глухо произнес Якоб.

Вот только в его детском голоске не чувствовалось ни капли раскаяния.

Таотэ промолчал, ожидая продолжения.

— Я действительно выходил. Хотел разведать обстановку... Но... пожалуйста, позволь мне остаться здесь ещё на какое-то время, — выдавил Якоб.

Он привык стоять на вершине власти, распоряжаться чужими жизнями и повелевать армиями. Просить о помощи, а уж тем более унижаться перед кем-то он попросту не умел, отчего его движения казались неестественно скованными, а фигурка — напряжённой.

И всё же в этот раз кроха говорил искренне. Несмотря на горделивую позу, его тихий, по-

детски нежный голосок звучал умоляюще.

— Я щедро вознагражу тебя позже. Золото, земли, любое твоё желание — я выполню всё, что потребуешь, — тихо пролепетал Якоб.

Глядя в эти огромные, круглые, полные затаённой тревоги глаза, Таотэ против воли почувствовал, как внутри него тает лёд. Перед ним стоял крошечный беззащитный питомец, который всем своим трогательным видом умолял забрать его к себе и никогда больше не бросать.

<http://bllate.org/book/20392/2131077>